

Через всю жизнь — эпизод 1 из 3

В начальных школах 70—80-х годов прошлого столетия учились читать и писать по книгам Ушинского «Родное слово». Книг было три. В двух первых — материал для чтения, пересказа, бесед, заучивания наизусть: третья книга — учебник грамматики.

Понятно, что такой выдающийся представитель русской педагогики, каким был К. Д. Ушинский, в своих книгах отводил большое место и народному творчеству и творчеству нашего гениального поэта А. С. Пушкина. Третья книга «Родного слова» даже полностью опиралась на одно произведение Пушкина, на сказку «О рыбаке и рыбке».

Наряду с пушкинскими стихами в книгах имелись и такие, что пишутся для хрестоматий по специальному заданию. Они тоже делались, как говорится, «без нарушения просодии», но тонкое восприятие ребенка все-таки улавливало в них что-то фальшивое. Об одном из подобных стихотворений вспоминает А. М. Горький в «Детстве»: «Большая дорога, прямая дорога, простора немало взяла ты у бога...»

«Я возненавидел, — говорит Горький, — эти неуловимые строки и стал, со зла, нарочно коверкать их, нелепо подбирая в ряд однозвучные слова; мне очень нравилось, когда заколдованные стихи лишались всякого смысла...

Дорога, двурога, творог, недорога...»

Встречались в книжках «Родного слова» и слащавые стихи, которые в мужской школе рабочего поселка вызвали недоверие даже у первоклассников.

— Вишь, поет! Разевай рот, — пряников насыплют!

Первым пушкинским стихотворением для меня было «Утро». Потом выяснилось, что и до этого я со своими сверстниками распевал пушкинские стихи, но не знал, кому они принадлежат. На этот раз запомнилось не только стихотворение, но и его автор. Оно оказалось даже событием, которое запомнилось на всю жизнь.

Было это, помню, во второй половине учебного года, после святочных каникул. Точно это пришлось на январь — февраль 1887 года. Мы — ученики 1-го отделения школы — к тому времени научились «складывать слова» и теперь усиленно упражнялись в чтении. Одним из видов упражнения было

чтение стихов, которые тут же заучивались наизусть. Считалось, что такое чтение содействовало укреплению навыков в схватывании глазом целых слов. В то же время это было и упражнение памяти, чему в старой школе придавали большое значение.

Заучивание стихотворений начиналось, как водится, с объяснения непонятных слов и выражений. Порой на это требовалось немало времени. Взять хоть ту же «дорогу-двурог», где надо было втолковать выражения вроде «широкою гладью, как скатерть, легла» и т. д.

Стихотворение «Утро» удивило тем, что там вовсе не потребовалось никаких объяснений. По вопросам учителя мы составили такую оценку стихотворению: «В нем все говорится по порядку, потому оно само запоминается да еще как-то веселит».

Эта оценка подтвердилась и на деле. Большинство запомнило стихотворение с первой читки.

Когда даже самые слабые ученики запомнили стихотворение и «бойко читали по знакомому месту», учитель сказал, повторяя нашу оценку:

— В том и дело, что у Пушкина все понятно, «все говорится по порядку» и все «само запоминается». Так и знайте, что нет и не было у нас писателя ближе, роднее и больше, чем Александр Сергеевич Пушкин. Сегодня вот как раз исполнилось пятьдесят лет, как его убили, а никто вровень с ним не стал и станет ли — неизвестно.

Учитель держал нас строговато, не любил, чтобы «высовывались» с вопросами, когда нас не спрашивают, но на этот раз не сделал замечания, когда со всех сторон слышалось:

— Кто убил? Где убил? Как убили? Почему? Что сделали с теми, кто убил?

Учитель рассказал о дуэли и последних днях Пушкина и угрюмо добавил:

— Подрастете, сами узнаете, что дуэль подстроена была. Большому начальству неугоден был Пушкин, — его и подвели под пистолет, а того чужеземца, который Пушкина убил, выслали домой. Все и наказание ему было в этом.

Такой осталась в моей памяти пятидесятая годовщина смерти великого поэта.

Был необычный урок, запомнившийся на всю жизнь, — и только. Никаких других напоминаний о годовщине смерти Пушкина по заводскому селенью не было, хотя селение это насчитывало свыше десяти тысяч жителей. По старым

меркам это считалось в ряду уездных городов. В поселке было три школы и даже клуб для конторских, где изредка давались «представления для простого народа». Теперь после святок этот клуб оказался закрытым до пасхи, а в школах, как мы узнали, даже не было упомянуто о годовщине смерти Пушкина.

Когда я об этом рассказал дома, отец пояснил:

— Так ведь ваш-то Александр Осипыч из таких... за народ которые... Такой, небось, про Пушкина не забудет. А по тем школам учительки есть из управительской родни. Они, поди, пикнуть боятся про Пушкина, потому, ясное дело, убило его начальство. Я еще когда на военной службе был, слышал об этом. Вчера картину вон показывали. С Трофимовой улицы один приносил. Так там сразу видно, что военные были подсланы, чтоб Пушкина застрелить.